

КУЛЬТУРА

КОГДА ПРОПАДАЕТ ГОЛОС, А ИЗ СТУЛА «ВЫРАСТАЕТ» ГВОЗДЬ

Геннадий Хазанов впервые набрал актерский курс на эстрадный факультет Российской академии театрального искусства

Независимая газета. — 2000 — 19 июля. — с. 7
Григорий Заславский

ЖЕЛАЮЩИМ стать актером и режиссером в этом году есть из чего выбирать. В Школе-студии МХАТ на режиссерском факультете курс набирает Кама Гинкас. На актерском — Евгений Каменькович, один из лучших педагогов, до сих пор работавший только в ГИТИСе с Петром Фоменко. В Шепкинском училище — Коршунов-старший. В Российской академии театрального искусства (ГИТИСе) на факультете эстрадного искусства актерский курс впервые набирает Геннадий Хазанов.

Три тура — в прошлом. В минувший четверг и пятницу на Таганке, где располагается эстрадный факультет, сорок «счастливчиков» проходили конкурс и коллоквиум. Счастливыми

тории сделать телесериал». Снять все как есть с первого экзамена — до выпускного спектакля. Идея замечательная. Но кто возьмется за такой «длинный» проект?!

В коридорах эстрадного факультета можно услышать первые легенды еще не набранного курса. На одном из туров Хазанов попросил абитуриентку войти в комнату и сказать, что она беременна. От него. Девушка вошла, что-то такое сказала. Хазанов стал, натурально, откровенничать. Тогда она подошла к столу, схватила листок бумаги и принялась хлестать его бумажкой по лицу. Потом сама испугалась. «Берем!» — сказал Хазанов.

Репертуар многие будущие эстрадники подобрали самый что ни на есть серьезный.

Девушка предлагает на выбор стихотворение Фета или Есенина. Хазанов: «А проза?» — «Отрывок

почем?» — перебивает Хазанов слова Зошенко. — «Для вас — бесплатно... Ой...» — теряется сбита с толку абитуриентка.

Некоторые входят в зал и теряются. Можно понять: перед ними — Хазанов. Есть от чего потерять голос или что-то забыть. «А кто написал пьесу?» — «До входа в дверь помни!» Все нормально. Арбузова Анна из Александрова читает Ахматову: «Кабы нас с тобой да судьба свела», — каждое ахматовское слово адресуя Хазанову. Затем, указывая на аккордеон, с которым она вошла в зал: «Применить?» — «Давайте», — улыбаются члены комиссии, видимо, уже знакомые с девушкой. «Вам «Мою морячку» или что посерьезней?» Выбор подает на «что посерьезней» и Арбузова поет «Бессаме мучо». Видно, что девушка комиссии понравилась, ее долго не отпускают. Басню «Бумажный змей» просят прочесть сначала как выпуск новостей, обращаясь в камеру, потом — как разговор с подругой после неудачного дня. Посередине басни Хазанов переспрашивает: «А что ж ты ему не сказала?» Девушка не теряет, машет рукой: «А-а-а...»

Другую просят: «Как вы сегодня дома расскажете родителям, что вас не приняли». Выходит слезливо и убедительно. По словам подруги, что учеба у Хазанова — смысл жизни девушки: «Жизнь или смерть? Это — мой единственный шанс, жизнь разрушена!!!» — члены комиссии, кажется, верят.

Молодой человек на минуту присаживается, чтобы надеть специальные башмаки и выдает шикарный степ с переворотом через голову в конце!

Из песен абитуриенты почему-то выбирают экзотику. Например, из репертуара цыганской певицы. «Из какого города певица?» — спрашивают. «Ну, если она — цыганка, я думаю, она ведет бродячий образ жизни», — смех в зале. Девушка поправляется: «Я в хорошем смысле».

Одна поет куплет из японской песни, другая — из африканской. Ее просят на ту же мелодию спеть своими словами о тяжелой доле работницы на плантации. Получается. Девушка поступала на продюсерский, а Сергей Исаев, увидев ее, сказал: «Идите к Хазанову». Сейчас она не видит, что Исаев сидит за столом. Чем тут же воспользовался Хазанов: «Сам Исаев? А какой он из себя?» — «Молодой человек, лет 30, в очках». Все довольны, девушка потом

— Пришвин.
— Можете прочесть Пришвина, как будто вы его с трудом вспоминаете?
— О, это мне будет легко.

На коллоквиуме выясняется, что девушка 14 раз смотрела в Театре имени Моссовета мюзикл «Иисус Христос...» Но в принципе ходить в театр не любит: «Мне больно, что они там, на сцене, а я тут... Лучше посмотрю дома канал «Культура». Молодой человек среди понравившихся называет спектакль «Современника» «Три товарища». Особенно, говорит, понравилась Чулпан Хаматова.

Из списка литературы девушка прочитала книгу об Алексееве, знаменитом когда-то конференсье. «Расскажите о нем», — просит кто-то из членов комиссии. «Алексеев был сначала ампула, потом — конференсье». — «Что такое ампула?» — «Первоначальная стадия». — «Это вы с эмбрионом путаете...» — успокаивает ее Геннадий Хазанов. «А когда Алексеев отказался от монолога?» — «Со временем», — не теряет абитуриентка. «А что случилось не с Алексеевым, а в России в 17-м году?» — (после долгой паузы) «Боюсь ошибиться...»

Другая девушка, из Набережных Челнов, убеждает, что ей ничего не страшно: «Я могу на хлебе и воде... Я уже месяц так жила». — «А если воду отключат?»

На вопрос «как вы оказались на эстрадном факультете?» кто-то из абитуриентов рассказывает: «Мне в Школе-студии МХАТ Каменькович на втором туре сказал: «Девушка, что вы тут сидите? Идите к Хазанову». Эта история — повод потом спрашивать у других, не Каменькович ли их прислал в ГИТИС. Кто-то на тот же вопрос отвечает: «Я понял, что для меня слово очень важно. Стоять на сцене и общаться со зрителем напрямую, как А.И. Райкин».

Красавица Марина Дианова говорит: «Меня привлекает разговорный жанр. Мне все говорят: «Марина, ты в будущем станешь Кларой Новиковой». У меня, мне кажется, призвание сменить людей». — «Неужели вам не хочется, чтобы вами восхищались?» — «Нет». — «Хочется, чтобы над вами смеялись?» — «Да».

Хазанов всех строго предупреждает, что пропуски общеобразовательных дисциплин будет приравнивать к пропускам занятий по мастерству и будет отчислять нещадно. Но напоследок

Анна Арбузова читает Анну Ахматову.

без кавычек их мешает назвать то обстоятельство, что лишь 20 в итоге станут студентами: 8 «бюджетников» и 12 «платных». Через четыре года, возможно, выпускники составят основу труппы Театра эстрады. О том, что театру такая труппа необходима, Хазанов не раз уже говорил. И уже принял курс Олега Кудряшова и ГИТИСа: осенью, если все сложится удачно, они начнут репетировать мюзикл Кима и Гладкова по «Доходному месту» Островского. Видно, что Театр эстрады для Хазанова — не игрушка. Что для него это — всерьез (надолго или нет, — думаю, пока не знает и он сам, но строит планы на далекую перспективу). Во время коллоквиума Хазанов не раз задавал вопрос: бывали ли будущие артисты эстрады в одноименном театре. Большинство не бывали. Хазанов реагировал бурно, но трудно было понять, то ли он расстраивался, то ли злорадовался: «Мол, так я и думал!» На очередной отрицательный ответ заметил: «То есть вы идете на эстрадный факультет, чтобы в будущем на этот вопрос все отвечали утвердительно? И называли бы при этом вашу фамилию?»

Приход Хазанова — не единственная, хотя и самая, быть может, большая радость эстрадного факультета. Людмила Тихвинская, историк эстрады, автор замечательной монографии, посвященной феномену русского кабаре, с недавнего времени — завкафедрой эстрадного искусства РАТИ, с гордостью сообщает, что на заочное отделение в этом году набирают Стоянов и Олейников. Среди преподавателей факультета — Евгений Петросян и Жванецкий. Михаил Михайлович будет рассказывать студентам о работе актера и режиссера с автором.

В одиннадцать двадцать в большую аудиторию запустили первую «пятачку». За столом, крытым неперменной зеленой скатертью, — сам Хазанов, Тихвинская, Борис Мильграм, Михаил Жигалкин, когда-то покоривший Москву в составе театра «Ученая обезьяна», (осенью он будет играть в «Птицах» на сцене Театра эстрады). На коллоквиуме к ним присоединился ректор ГИТИСа Сергей Исаев.

Все, как на обычных приемных экзаменах на обычном актерском факультете — басня, стихотворение, прозаический отрывок. Впервые Геннадий Викторович говорит: «Вот бы изо всей этой ис-

из романа «Поющие в терновнике». Хазанов: «А басня?» — «Нет басни...» — «У вас, я смотрю, такой серьезный репертуар... Это, конечно, ничего. Но, поступая на эстрадный факультет... Говорите чуть громче...» — «В зобу дышанье сперло...» — «А говорите, басни нет».

Со стороны любой актерский экзамен кажется настоящим издевательством: «А теперь прочтите тот же отрывок так: у вас подруга стоит по другую сторону реки, она никогда не слышала этой истории. Река шумит...» — «А с тем же выражением?» — «Как хотите, главное, чтобы подруга услышала. Давайте... Ксюша! Я не слышу!!!» Или — басню Михалкова «Заяц во хмелю» прочесть, как зайчик. «Как пьяный или как трезвый?» — «Как хотите. Но он всех боится...» — «В день именин, а может быть, рожденья был заяц приглашен к ежу на угощенье...» — «От зайчика у вас только руки сложенные, а у него еще есть хвостик, который дрожит, ушки длинные, он прыгает...»

Молодой человек читает предисловие к «Ремеслу» Довлатова. Его просят прочесть тот же кусок так, как будто у него пропал голос. «И одновременно — гвоздь в стуле», — добавляет кто-то из членов комиссии.

В любой момент могут остановить. И это — не значит, что плохо. И не значит, что — хорошо. «А спать можете?» — «Могу», — отвечает молодой человек. — «Только у меня с танцем...» — «Ну, ладно». И парень пускается в пляс, напевая при этом: «Крутится, вертится шар голубой...» Хорошо получается. Хазанов в первый раз смеется.

На следующий день тот же абитуриент подробно рассказывает о Станиславском, про «Мою жизнь в искусстве». «Чем серьезнее эстрадник рассказывает смешные вещи, тем смешнее. Эстрадник общается с публикой через зал». Хазанов спрашивает его про Карпева и Ильченко, которых, выясняется, парень видел только по телевизору. «Как же они?» — «Общались через зрителя, рикошетом».

Девушку в блестящем костюме просят прочесть басню Крылова «Собака и лошадь» от «лица» собаки: «У вас есть собака?» — «Две. Они во дворе живут». — «Ну, вот и прочтите ту же басню от лица собаки». Из прозы девушка читает «Монтера» Зошенко: «А теперь не могли бы вы этим рассказом что-нибудь продать на базаре, не изменяя текста... Торгуете давно». «Пускай будет холодно. Очень холодно», — усложняет кто-то еще. «Никогда не торговала на базаре...» — признается абитуриентка. «И

Геннадий Хазанов успокаивает абитуриентов: «Все будет хорошо!».
Фото Петра Кассина (НГ-фото)

сталкивается в коридоре с ректором театральной академии, пугается, но ее утешают: вот это как раз не страшно.

Девушка читает отрывок из «Маленького принца». Ее останавливают: «Можете прочесть, как пионер-герой... В плену?» — «Попробую». Начинает читать. «Руки связаны!» — девушка покорно прячет руки за спиной. «Ноги тоже», — усложняет задачу другой член комиссии. И девушка падает на колени. На авансцену, где проходит экзамен, поднимается молодой человек. В прошлый раз, на один из туров, он пришел с приятелем, с которым познакомился в поезде, оба ехали поступать к Хазанову. Оба — из Ельсы. Теперь он — один.

— А почему Сергеев не пришел?

— Упал с моста, сломал руку.

— Если упал с моста, может быть, он будет уже сразу президентом России... Ну, хорошо. Что у вас из прозы?

большинству желает писать сочинение простыми предложениями, без ошибок.

«Надо во всем находить радость. Это же твоя профессия», — говорит кто-то из абитуриентов про «сол» эстрадного жанра. Хазанов в таких случаях провоцировал абитуриентов, охлаждая их пафос: «А если вы в ресторане выступаете или в ночном клубе, скакая ли уже радость общаться со зрителем напрямую?» Но такими вопросами пока что поставить в тупик не удается. Все побеждает оптимизм. В тупик проще было поставить вопросами по «программе», по прочитанным книгам. Вот еще один эпизод: «Я прочитала книгу по эстраде, — рассказывает очередная подающая надежды прелестница. — Название не помню. Там написано, что в эстраде главное — зрелищность, сеушенность всего, минимум психологизма». Хазанов тут же парирует: «И наоборот в театре — максимум психологизма и минимум зрелищности».